

Л. Балпыкова, К. Звягинцева, Е. Шатравка, И. Волкова,
И. Ефименко, Ж. Адам, Ч. Рассветова, Н. Захарова,
И. Буженко, О. Владыкина, О. Герасина, Е. Рейнбах,
С. Новоселова, Н. Лаврентьева, О. Зродникова

ЧУДНЫЙ СБОРНИК

ВДОХНОВЛЯЮЩИЕ РАССКАЗЫ

Ольга Зродникова

Чудный сборник

«1000 бестселлеров»

2026

УДК 159.9
ББК 88.53

Зродникова О.

Чудный сборник / О. Зродникова — «1000 бестселлеров», 2026

ISBN 978-5-00144-718-4

Этот сборник соткан из историй женщин о женщинах, которые нашли в себе смелость быть разными и настоящими. Здесь нет готовых рецептов счастья, но есть честный разговор о том, что волнует каждую из нас: Как услышать свой внутренний голос сквозь шум чужих ожиданий? Где найти силы после того, как сердце разбито в клочья? Как наконец разрешить себе быть собой, без стыда и оправданий? Все написанное здесь – как разговор с подругой: теплый, уютный и полный житейской мудрости, который дарит то самое чувство, что вы не одни, что ваши переживания, страхи и надежды важны, поняты, приняты и решаемы. Это книга-объятие. Книга-поддержка. Книга-напоминание: самое большое чудо – это ваша собственная жизнь, со всеми ее морщинками, прыжками в неизвестность и тихими открытиями. Она для тех, кому нужно утешение и вдохновение, кто ценит искренность и верит, что даже в самой обычной жизни скрыто нечто волшебное. Откройте эту книгу – и позвольте себе стать чуть смелее, чуть добрее и чуть ближе к себе настоящей.

УДК 159.9

ББК 88.53

ISBN 978-5-00144-718-4

© Зродникова О., 2026
© 1000 бестселлеров, 2026

Содержание

Введение	6
Глава 1	7
Чёрт	7
Не мать, а мегера	12
Вдох-выдох	17
Налог на право быть собой	19
Глава 2	25
Хочу морщинки	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Чудный сборник

© Коллектив авторов, текст, 2025 © ООО «1000 бестселлеров», 2026

© ООО «Книжкин дом», оригинал-макет, 2026

Введение

Дорогой читатель, перед тобой – не просто книга, а чашка горячего чая, которую неспешно потягиваешь, сидя в уютном кресле, укутавшись мягким пледом. Это разговор с лучшей подругой, который начинается в два часа ночи и длится до рассвета. Тихое «я понимаю», произнесенное тогда, когда кажется, что никто не способен понять. Это «Чудный сборник» – собрание историй, каждая из которых стала частичкой нашей жизни.

Мы, авторы этой книги, такие же разные, как узоры, которые рисует мороз на стеклах зимним утром. У нас разные профессии, судьбы, мечты, но нас объединяет нечто большее – желание говорить искренне, без прикрас и масок. Мы – матери, которые учатся любви каждый день; жены, проходящие через семейные кризисы; дочери, несущие в сердцах голоса предков, и подруги, готовые поддержать в трудную минуту. Мы падаем, стирая колени, и поднимаемся, становясь сильнее. Сомневаемся, теряясь в лабиринтах выбора, и находим ответы в самых неожиданных местах. Прячемся за масками, которые диктует общество, и снимаем их, чтобы наконец вздохнуть полной грудью.

На этих страницах ты увидишь, что даже в самых темных коридорах отчаяния, где, кажется, не осталось ни лучика света, можно разглядеть тонкую, но прочную нить надежды. Поймешь, что моменты, которые кажутся концом, часто становятся началом чего-то нового, чистого и прекрасного, как первый снег. Каждая история в этой книге – это уникальная судьба, неповторимый путь, прожитая жизнь. Но при всем своем разнообразии они складываются в единую, волнующую мелодию жизни, в которой есть место и горьким слезам, оставляющим горячий след на щеках, и счастливым моментам, озаряющим душу.

Мы не даем советов, не поучаем и не претендуем на истину. Просто делимся прожитым опытом, кусочками своей души, где каждая читательница сможет найти что-то свое, родное. Эти истории – как лоскутное одеяло, сотканное из наших радостей, потерь, открытий и прозрений. Каждый кусочек – это память, шрам или улыбка, а вместе они создают узор, полный смысла и тепла. В них есть особая магия – магия превращения обыденного в волшебное, сложного в ценное, а пройденного пути – в бесценную мудрость. Они напоминают, что самые важные открытия мы делаем не в умных книгах или теориях, а в глубине собственного сердца, в молчаливом диалоге с собой.

Ты увидишь, как через призму разных судеб, через радости и боли совершенно незнакомых людей проступает простая и вечная истина: быть собой – это самое большое достижение и самая главная победа. Наша сила часто рождается из уязвимости, а мудрость – из принятия своих несовершенств, шрамов и страхов. Рассказы, написанные нами для тебя, – это прожитая боль, превратившаяся в сострадание; найденная надежда, затеплившаяся в темноте; выстраданное откровение, до которого нужно было пройти своим путем. Это наш способ сказать тебе: смотри, мы были там, где, возможно, сейчас находишься ты. И у тебя все получится. Ты не одна в своих переживаниях. Ты прекрасна в своей уникальности. Ты имеешь полное право на свой голос, свою мечту, свою, ни на чью не похожую, жизнь.

Переворачивай страницу. Сделай глубокий вдох. Позволь этим историям коснуться твоего сердца. Давай пройдем этот путь вместе – шаг за шагом, слово за словом, откровение за откровением.

Глава 1 И земля ушла из-под ног

Чёрт
Лариса Балпыкова

– Сестрички, миленькие, девка помирает, сюда скорей... Господи, помоги... Свят, свят, свят... – причитала бабка на соседней койке в затрапезной инфекционной больнице.

Голос бабки доносился до меня словно сквозь ватную подушку – будто это не со мной и не сейчас. Казалось, я лежала здесь уже тридцатый день, а может быть, уже целую вечность. Время словно остановилось, а мой мир сузился до обшарпанных больничных стен, скрипучих коек в огромной палате и бесконечных процедур. Лишь иногда солнечный луч пробивался сквозь маленькое грязное окно напротив моей кровати и напоминал, что где-то снаружи кипит настоящая жизнь.

В ту ночь, накануне 8 Марта, мы были с бабкой вдвоем. Остальные пятнадцать человек из палаты к этому времени уже выписались и радостно разбежались по домам строгать оливье. Меня не отпускали. Диагноза не ставили, а состояние только ухудшалось.

Каждую ночь на меня обрушивалась жуткая головная боль с температурой под сорок. Я уже привыкла и ждала ее прихода как неизбежности. И сегодня она пришла точь-в-точь по расписанию – в 3:15.

Но эта ночь была особенной: мою боль скрашивала небесная картинка. Я сидела, поджав колени, держала на них раскальвающуюся голову, покачивалась и ощущала, как в мозг вбивается раскаленный кол.

Но все мое внимание было приковано к звездному небу. Казалось, кто-то натянул на мир целую наволочку, набитую звездами. И, зацепившись за рог месяца, она порвалась. А звезды просыпались прямо в маленькое грязное окно моей палаты.

Вдруг на остром заусенце месяца я увидела чёртика. Маленький, смешной, он свесил хвост-кисточку вниз, болтал копытцами и улыбался мне в лицо.

- Ну что, больно?
- Больно, – ответила я. – Очень.
- А хочешь, чтобы боли больше не было?
- Конечно хочу. Я так устала...
- Нет ничего проще. Пойдем со мной.
- А боль уйдет?
- Уйдет. Попробуй. Идешь?

Я кивнула. И в ту же секунду палата исчезла. Только окно с грязным стеклом еще висело перед глазами. Как дверь. Как рамка. Вдруг рамка растворилась в воздухе, и вокруг меня возникли образы: маленькие кусочки прошлого, настоящего и того, чего еще не было. Они были похожи на пазлы, но не все подходили друг к другу.

- Это твоя жизнь, – прошептал чёрт. – Только ты можешь собрать ее заново.
- Я стала рассматривать эти кусочки и изо всех сил пыталась собрать их воедино.

* * *

Сегодня мой последний рабочий день в школе. Я невероятно рада и горда собой! Еще бы! Меня, обычную школьную учительницу, повысили до методиста. Но никто из коллег не разделял моей радости.

- Ты пожалеешь! – кричали мне в спину школьные коллеги.
- Какая же ты оказалась!
- Нечестная!
- Что скажешь родителям своего класса?

А я и без этого чувствовала себя виноватой. И чтобы хоть как-то загладить вину, нашла для своих детей самого лучшего учителя и уговорила взять мой класс.

- Что ж, можно уходить.
- Директор припечатала напоследок:
- Уйдешь – заболеешь!

Я собрала манатки и бежала под ужасные «напутствия» моих вчерашних подруг и руководителей. А в голове будто кто-то бил молотом по наковальне: «Уйдешь – заболеешь! Уйдешь – заболеешь!»

- Зачем я тогда так поверила этим словам?

* * *

Первый рабочий день после новогодних праздников. Новые стены, новая должность, новая я. Новый костюм: юбка, пиджак и летящая шелковая блузка шоколадного цвета. Выгляжу роскошно! Меня ждет отдельный стол, компьютер и личный телефон – я руковожу целыми сообществами учителей. Это что-то новое, почетное, громоздкое, и ударить в грязь лицом нельзя! Но я умудрилась отличиться.

- Нет, в грязь лицом я не ударила – случилось кое-что поинтересней...

Моя новая работа располагалась в очень старом здании. Бетонные ступеньки на выходе – с выбоинами и щербинками. Я грациозно скачу по ним на каблуках, но спотыкаюсь и с размаху плюхаюсь на пятую точку. Сверху на голову падает горшок. А в нем цветы, хоть и искусственные, но с землей. Новые коллеги охают, проверяют, все ли со мной в порядке. А я смеюсь. Ну умора же! Цветочная коронация: из учителя – в методисты!

Да, чувство юмора и оптимизм – это то, что помогает мне пережить сложные моменты жизни. Куда же исчезнет эта легкость и задор буквально через пару дней?

* * *

Наконец мне поручили очень важное дело: организовать большой городской спортивный праздник. И я засучив рукава взялась за работу. Ведь мне так важно было доказать себе и всем, что я могу, что я сильная и со всем справлюсь сама!

Я взвалила на себя все: от флажков, закупки медалей и уборки зала до приглашений СМИ и речи ведущих. Праздник должен пройти идеально! Организация будет на высшем уровне!

Так началась моя гонка под названием «Быстрее, выше, сильнее», или «Я все могу сама».

Этот марафон длился месяц. Я носилась как белка. Как раненый хорек. Из одной точки города в другую. Знакомилась с людьми. Нарбатывала связи. Просила. Умоляла. Грозил. Льстила. Уговаривала.

Личного автомобиля у меня тогда не было. На своих двоих я намотала по городу столько километров, что могла бы объехать Омск, Томск и Новосибирск вместе взятые.

На десятый день я почувствовала недомогание: температура 37,1...

А, ерунда! Немного утомилась, пройдет.

Тем не менее температура каждый день обвивала тело липкой лентой. Но я не имела права заболеть! На меня надеялись люди. Если не я – то кто?

И тут начались по-настоящему пугающие симптомы. В один из дней, выйдя из туалета, я увидела струйку крови, тянущуюся за мной по полу. И это были не женские дни.

А в голове снова гулко ухнуло: «Уйдешь – заболешь!»

Зачем я опять поверила в чьи-то со злобой брошенные слова? Почему не слышала свое тело? Кому и зачем хотела доказать, что все могу сама?

* * *

С каждым днем мне становилось все хуже. Болезнь прижимала к стенке, а обращаться к врачам я не спешила. Да и некогда мне болеть! На носу ответственное мероприятие!

И я попросила подругу устроить встречу с одной удивительной женщиной, которая умела разговаривать с ангелами и кошками и уверяла, что исцеляет быстрее, чем скорая помощь. Эдакая проводница между аптекой и небом. Бесы тоже прилагались к ее прейскуранту.

Так в мою жизнь вошла Наталья Васильевна. Обычная женщина лет сорока пяти. Обычная квартира в многоэтажке.

На кухне, как на витрине, выставлены карты Таро, горящие свечи, иконы, магический шар.

– Садись! – приказала она.

Я ошарашенно села на стул.

– Бабушку Прасковья зовут?

У меня похолодел затылок. Да, имя редкое, необычное. Как она его узнала?

– А кошку твою зовут мужским именем, хотя она девочка, – этой фразой Наталья Васильевна меня окончательно добила.

Ведь так и было. Когда-то мы взяли котенка и назвали его Гошей. Котенок подрос, и выяснилось, что это не кот, а кошка. А имя так и осталось.

После такого ясновидения я полностью сдалась. Это был мой первый опыт общения с такими людьми.

Я ходила к ней через день и носила деньги. Деньги утекали, а здоровья не прибавлялось. Внутренний голос шептал: «Тебя обманывают! Лара, беги!»

Но Наталья Васильевна говорила:

– Терпи. Это бесы из тебя выходят. Врачи и лекарства сейчас не помогут. Выздоровление идет через боль.

«Уйдешь – заболеешь!» – эту фразу начальница отправила в космос, так объяснила Наталья Васильевна. Я не смела думать иначе. И борьба требовала нетривиальных способов.

Ну почему я была такая наивная? Зачем опять поверила чьим-то словам? Почему не послушала внутренний голос?

* * *

Праздник «Мама, папа, я – спортивная семья» отгремел с фанфарами и аплодисментами. Я талантливая! Молодая! Хваткая!

Но внутри шуршал тонкий голос:

– Посмотри на себя. Ты еле живая. Нужно что-то делать.

Я отгоняла голос. Нет-нет, все хорошо, все под контролем. Бесы почти вышли.

Вечером отмечала праздник с подругами. Веселились, выпивали, праздновали успех и победу. Я забыла о проблемах, боль ушла, бесы покинули разум и тело.

– Наконец-то излечилась! Награда пришла! – подумала я.

Но... в эту же ночь сама сдалась в инфекционное отделение городской больницы. После бесконечных исследований и анализов был вынесен вердикт – вирусная пневмония с двухсторонним плевритом.

Легкие булькали в жидкости, как куски курицы в бульоне, тело цеплялось за жизнь, а разум был готов сдать бесам. В голове снова стучало: «Уйдешь – заболеешь! Уйдешь – заболеешь!»

* * *

– Сестрички, миленькие, девка помирает! Сюда, скорей... Господи, помоги... Свят, свят, свят... – голос бабки доносился до меня словно сквозь ватную подушку.

Чёртик улыбался, протягивая маленькую лапку:

– Ну что, идешь?

Я обернулась на плавающие в воздухе картинки. Кажется, теперь я понимала, в чем была моя ошибка.

А внутренний голос шептал: «Слушай свое сердце, оно не обманет!» И я впервые решила ему довериться. Вдруг пазлы удивительным образом сложились в единую картинку. Картинка переливалась разными красками, и это была моя ЖИЗНЬ!

– Нет! – твердо ответила я, глядя чёртику прямо в глаза, отдернула руку и...

* * *

...Открыла глаза. Утро. Лежу на больничной койке, смотрю в окно.

Внутри меня шевельнулось знакомое ощущение – тонкий хвостик просвистел рядом с сердцем, копытца боксировали воздух, рогатая рожица подмигнула:

– Я здесь не за тем, чтобы тянуть тебя в свои сети. Я здесь, чтобы показать: выбор только за тобой.

Я вздрогнула и осторожно села. Поставила ноги на пол – тело слушается, дыхание ровное, сердце спокойно. Я выздоровела и свободна. Мои границы неприкосновенны – мои «да» и «нет» только мои.

Я подошла к окну – тому самому, где когда-то чёрт просыпал звезды, – распахнула его настежь и впервые вдохнула полной грудью. Свежий воздух хлынул в пыльную палату и взорвал мои легкие, наполняя тело жизнью.

Я здесь. Я жива. Я свободна. И это мое «да» себе!

Чёртик весело рассмеялся, раскачиваясь на остром заусенце месяца:

– Ну все. Моя работа сделана. Можешь идти.

Я кивнула. Но это было только начало. Впереди меня ждали новые уроки...

Не мать, а мегера Каринэ Звягинцева

– Вы безответственная и бестолковая мать! – сказала мне специалист в детской поликлинике. – У вас совершенно неразвитый ребенок, он не умеет читать и не определяет время!

«Как же так? Я плохая мать?»

Почему-то я сразу поверила в это.

Описать мысли, которые пронеслись в моей голове, словно метеоры, практически невозможно. Я хотела дать ребенку детство: когда еще он будет так свободен, как в свои четыре года? Оказывается, я все делала неправильно. Это было страшно.

Погода соответствовала моему внутреннему состоянию. Холодные пальцы, которыми я держала ручку малыша по дороге домой, не ощущали ветра.

Вечером, наблюдая, как он наигрывает на детском синтезаторе мелодии из мультиков, размышляла, что же я делаю не так. И даже не задумывалась о том, сколько всего он умеет и знает уже сейчас.

Я не хотела, чтобы мой ребенок отставал в развитии или отличался от других. Хотя про обычность с самого его рождения речи не шло. Бегать на детской площадке два часа без остановки, как заводная игрушка, каждый день снова знакомиться с теми же самыми ребятами, называть себя Никитой Кожемякой – все это про него. И однажды он просил купить ему валторну. Мне в тот момент пришлось обратиться к Интернету, чтобы понять, что он хочет от меня.

А еще он не агукал в младенчестве. Внимательно слушал, как с ним разговаривают, а потом мурлыкал в ответ теми же интонациями. И да, Моцарт был его любимым композитором уже в четыре месяца.

Укачивая его в кроватке, я читала книги по воспитанию, думая, что это поможет мне в будущем. Но в итоге я все же упустила время.

«Нужно срочно что-то делать!» – такими были мысли матери-мегеры, в которую я превратилась.

Это не было первым моим превращением. С какой-то периодичностью я и раньше становилась «слишком». Слишком внимательной, заботливой, строгой, категоричной, торопливой, воспитывающей. Но в этот раз такое состояние поднялось выше критической отметки. И именно его я назвала своей внутренней мегерой.

На следующий день я купила кучу развивающих книжек. И каждый день занималась с ребенком. Начиная с пяти минут в день, постепенно увеличивая время. Пластилин, краски, карандаши – все это можно было измерять килограммами. Через полгода мой замечательный ребенок умел и читать, и писать. Что мы с ним только не делали...

Я радовалась его успехам очень сильно. Смогла, научила, показала. Уж теперь я точно могла назвать себя хорошей матерью! Мне было нелегко с ним заниматься и объяснять. Понадобилось много терпения, ведь сын был диким непоседой. Сидеть за столом даже пятнадцать минут спокойно – это было что-то из области фантастики. Остановить его броуновское движение казалось невозможно. Вся округа всегда знала, что мы с ним гуляем. Очень шумный, невероятно активный, бесконечно подвижный. Он задавал огромное количество вопросов, на которые надо было отвечать. Страшно было выходить на улицу, ведь там столько интересного: зачем дует ветер, почему на Северном полюсе холодно, что ремонтирует тот мужчина в машине. И это еще самые простые вопросы. Я искренне пыталась отвечать. И злилась, что знаю не все ответы, что у него столько бессмысленных для меня вопросов. А мне требовалось быть самой мудрой и знающей мамой.

Только теперь передо мной стояла задача со звездочкой – еще один малыш, на которого также требовалось время и терпение. В конечном итоге они занимались вместе, как только младший смог держать в руках карандаш. Зачем я это делала? Хотела быть хорошей матерью. Хотела, чтобы мои дети были лучшими, чтобы не надо было делать им замечания.

* * *

– Это что? – невролог подняла взгляд от огромных фиолетовых синяков на лбу двухлетнего младшего. Угроза в ее глазах на строгом лице не предвещала ничего хорошего.

– Узкие дверные проемы и большая скорость...

Кажется, мне поверили. А у самой сердце сжалось так, что вдохнуть трудно. Снова я что-то сделала не так. Но что я могу, если ребенок умеет только бегать, а рассчитывать траекторию движения еще не научился? Кстати, к двенадцати годам ситуация практически не изменилась, несмотря на занятия спортом.

Это сейчас я понимаю, что без ошибок или проблем никак не получится. Но что я испытывала каждый раз, когда этот правильный ребенок макал палку в лужу, а потом облизывал ее! Добавляли неприятных ощущений укоризненные взгляды посторонних. В них так и читалось глубокое презрение и непонимание. Да еще фразы некоторых о том, что я совсем не уделяю внимания младшему ребенку, не добавляли уверенности в себе и моих способах воспитания. Я постоянно жила словно на пороховой бочке. Нужно было совсем немного, чтобы я взорвалась. Снова и снова пробуждалась моя мегера.

Каждый раз, наблюдая за чужими детьми, которые после прогулки в белом комбинезоне возвращались домой чистыми, я задавалась вопросами. Что не так с моими детьми? Что не так со мной?

* * *

Старшего в пять с половиной лет отдала на подготовку к школе. Долго искала того самого преподавателя, которого очень рекомендовали знакомые мамочки. И вот снова:

– Вашего ребенка нужно к психиатру, и срочно! Это еще лечится.

Таким было наше последнее занятие. Злость клокотала у меня внутри, словно маленький вулкан. Моя внутренняя мегера рычала. Кипело желание сказать все, что я думаю этому «прекрасному педагогу». Но под руку попадались только дети. И им воспитания доставалось по полной программе. Уборка в комнате, полезные занятия, строгий контроль поведения. Я пыталась научить детей быть хорошими, правильными, «как все».

Но не всегда я была мегерой. Так мне казалось. Ведь были и сказки, которые мы читали каждый день перед сном. Я вспоминала, как сама с нетерпением ждала вечера, когда моя мама откроет «Винни-Пуха» и я услышу очередную историю. А теперь подошла моя очередь. Дети устраивались поудобнее, заворачиваясь в теплые, мягкие одеяла. Они уточняли и переспрашивали почти на каждой строчке. Эти вечные вопросы: почему, куда, кто, зачем? Пока отвечала, успевала забыть, о чем мы читаем. Это заставляло мою мегеру ворчать. Ведь я хотела, чтобы они слушали. В итоге чтение затягивалось. Уставшая, я уже не хотела завершать очередную главу книги, но делала это, с трудом фиксируя взгляд на расплывающихся буквах. Из-за этого злилась еще больше и на себя, и на моих мальчишек.

Теперь, спустя много лет, мне трудно сказать, какие воспоминания будут у моих детей после такого чтения. Но мне хотелось, чтобы в памяти их осталось тепло и внимание.

* * *

Первый класс у старшего. Снова специалист. Меня вызвали в школу.

– Вы плохая мать. Ваш ребенок не знает правил поведения, вы вообще им не занимались.

Такой вердикт был выдвинут потому, что я разрешала трехлетнему сыну играть с посудой, пока сама занималась готовкой.

Вот тут я поняла, что больше терпеть обвинений не намерена. Уже тогда я чувствовала, что с моим ребенком все хорошо. Просто он не такой, как все.

Мегера, которая снова заняла позиции, потащила ребенка по специалистам. Я решила, что сама не справляюсь. Столько сил было положено на то, чтобы сын мог соответствовать социальным нормам. Видимо, нужно подключать тяжелую артиллерию. Были и психологи, и неврологи, и даже психиатр. В этот раз я нашла людей в своей сфере, которые смогли объяснить нюансы психики моего ребенка. Отклонений или диагнозов ему не поставили. Но были моменты, с которыми нужно научиться взаимодействовать. Получив заключения от всех, я отнесла их в школу, чтобы от моего мальчика отстали.

Параллельно отвела сына на занятия по шахматам для развития терпения и усидчивости. И к нейропсихологу.

– У вашего мальчика есть невидимый друг. Вы знаете об этом? – она произнесла это шепотом, так, чтобы слышала только я.

– И сколько их сегодня? – Кривая улыбка на моих губах могла показаться слегка ненормальной.

– Ну раз вы знаете, то все в порядке.

Больше она эту тему не заводила. Да и мы не слишком долго продолжали посещать эти занятия.

Для меня этот вопрос был простым, так же как и ответ. Сын любил историю и особенно Бородинскую битву. Уже в четыре года он знал одноименное стихотворение целиком наизусть. Для меня было уже привычно, что при выходе из лифта с криками «В атаку!» с нами оттуда высыпает еще пара тысяч солдат. Правый фланг, левый фланг... А почему бы и нет? Фантазия хорошая.

Это был не первый и не последний раз, когда я удивляла других людей ответами насчет своего ребенка. Например, моя фраза о том, что мы хотим только попробовать заниматься флейтой, мягко говоря, шокировала преподавателя. Для чего идти в музыкальную школу, заниматься там место, если не планируешь заниматься? В нашем городе очень большой конкурс и серьезный экзамен для поступающих. И тут ребенок, который просто попробует. Однако именно эта проба оказалась очень продуктивной, как показало время. Занятия музыкой стали для сына чем-то очень важным. Но до десяти лет он так и не умел определять время. Просто не чувствовал его. А музыку чувствовал. Всем своим существом. Тогда он говорил, что вокруг него танцуют ноты, когда он закрывает глаза. В будущем мог отрываться от игры в компьютер или просмотра телевизора, чтобы переложить понравившуюся мелодию на фортепиано.

Думаю, что именно тот волшебный вопрос про невидимых друзей и стал отправной точкой, когда я окончательно поняла, что менять своего ребенка не хочу. И не буду.

Не зря говорят, что воспитывать нужно не детей, а себя. С того момента я начала больше внимания уделять тому, что и как делаю сама. Я занялась воспитанием своей мегеры. Отстала от детей с уборкой в комнате, перестала настаивать на безупречном поведении, не ждала хороших оценок из школы. Это все оказалось неважно.

Наверное, одним из самых сложных моментов для меня была уборка. Мне было очень тяжело физически заходить в то безобразие, которое творилось в их комнате. Заваленные столы, разобранное Lego на полу, как минное поле, перевернутые кровати. Ведь у хороших детей правильной мамы такого быть просто не может! Но не только им я давала эти послабления. Я вспомнила, что люблю читать. Раньше не могла себе позволить тратить так бессмысленно время. Иначе могу что-то не успеть. По крайней мере, я в это искренне верила. Постепенно ослабляя хватку контроля и воспитания, я поняла, что можно быть и такой мамой.

Мамой, которая не успевает, не справляется, просит помощи, нуждается в отдыхе. И это не делает меня плохой или безответственной.

* * *

– Mam, что такое любовь?

Мы шли с семилетним старшим с очередных занятий. Но как можно ответить на этот вопрос? Я замедлила шаг, задумавшись над ответом.

– Ты меня любишь?

– Да.

– Как ты это ощущаешь?

– Так, будто меня становится больше, будто я наполняюсь, меня распирает, дышать становится легче.

– Вот это и есть любовь.

И меня саму тоже будто воздухом накачали, в горле запершило. Погода будто стала более теплой. Захотелось обнять весь мир.

Ведь, по сути, важна именно она. Та самая любовь, которую испытывает ребенок к родителю. Или которую дарит мама своему чаду. Да, не всегда получается правильно или красиво. Часто бывают и злость, и усталость, когда нет сил даже на то, чтобы расчесать волосы. Важно, чтобы этот маленький человек ощущал, что он нужен, что его поддержат и выслушают в моменты, когда ему это так необходимо.

У нас появилась привычка сообщать, когда нужно внимание мамы. Мальчишки приходят и говорят об этом. И я откладываю свои дела так, чтобы побыть только с ними. Им не требуется много моего времени. Но оно должно принадлежать безраздельно им.

* * *

– Мам, я люблю тебя так же сильно, как солнышко, – выдал мой восьмилетний младший.

– Интересное сравнение.

– Я люблю, когда солнышко греет спину. Это очень приятно. А ты так же, как и солнышко, всегда греешь. И я знаю, что ты всегда рядом.

Не знаю, как мне удалось сдержать слезы, которые навернулись на глаза. Мой милый вредный мальчик. Его упрямство и категоричность иногда доводили меня до состояния нервной дрожи. Он, в отличие от старшего брата, в пять лет сам научился определять время, чтобы контролировать, когда я забираю его из детского сада. И даже пятиминутное опоздание стоило мне множества упреков. Но в этот момент я отпустила все сложности, которые возникали в нашем общении.

Я никогда не забуду моментов, когда мы шли втроем по улице. Одному мне надо было четко объяснять, что и как будет происходить. Он всегда был «воздушным». А второму – описывать ту же самую ситуацию максимально размыто и неясно. Он был слишком категоричен. Настолько разные, что я разрывалась между одним «правильно» и другим.

Универсального решения никогда не было и не будет.

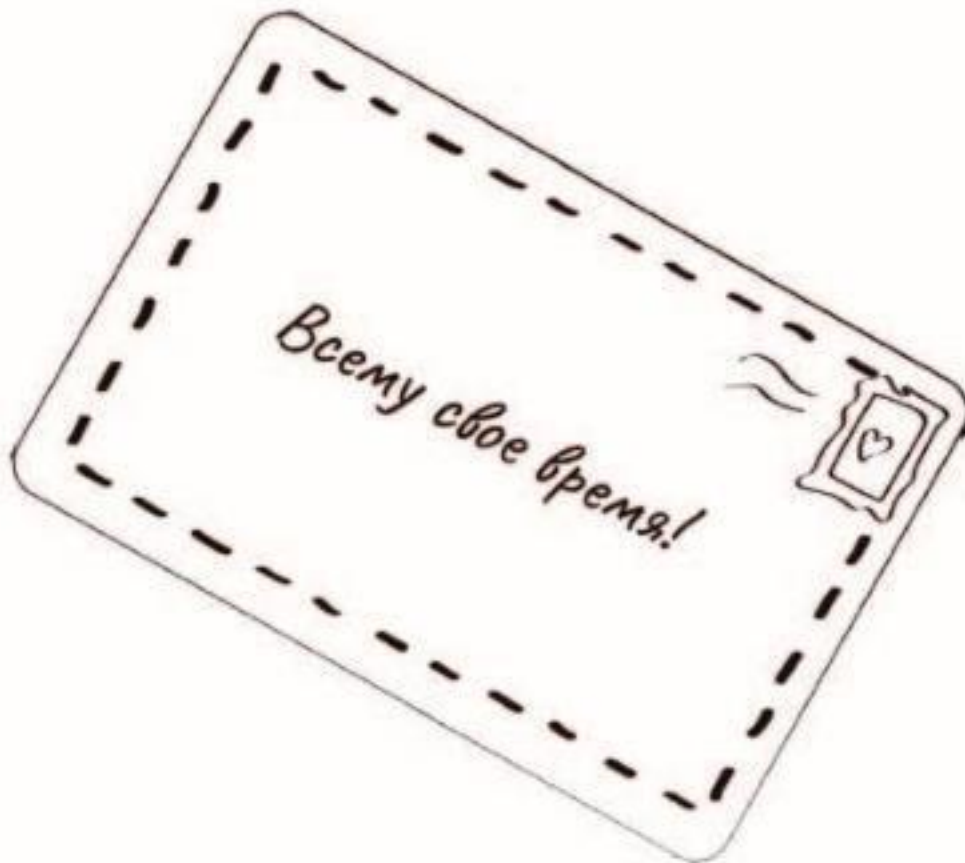
Безусловно, специалистов нужно слушать. Но следовать ли их экспертным мнениям, решать только родителю. И помнить, что всегда есть риск, как и я, стать матерью-мегерой.

Хотя и сейчас периодически, когда возникает какая-то неоднозначная ситуация, я говорю своим мальчишкам:

– У вас не мать, а мегера.

Но они почему-то не верят мне. Говорят, что я ведьма, только метлы у меня нет. Но это уже совсем другая история.

Вдох-выдох Елена Шатравка

19 сентября 2015 года

– Да сколько же можно! Неужели миру мало?! Он и так забрал мою маму. Чего миру еще надо от меня? – шмыгая носом, шептала пятилетняя Алёна снова и снова.

Девочка свернулась калачиком на кровати. Глаза закрыты, но это не останавливало слезы, которые текли ручьями по щекам. Алёна громко дышала, рот приоткрыт, тело дрожало. Понемногу она начала натягивать одеяло, чтобы согреться, а заодно и спрятаться от проблем, от жизни, от боли.

Неожиданно где-то вдалеке послышался плач ребенка. Сначала Алёна замерла, потом сказала раздраженно:

– Только слез другого мне сейчас не хватало!

Плач, как назло, продолжался.

– Не хочу! Устала! Не могу!

Плач не утихал. Наконец она глубоко вздохнула и крикнула в сторону рева:

– Да иду я, иду! Все хорошо! Все хорошо! Сейчас приду!

Алёна скинула одеяло, еще минуты две сидела на кровати, покачиваясь. Затем вытерла слезы тыльной стороной ладони и устало вздохнула. Потом встала.

Маленькая девочка выпрямилась и... превратилась в тридцатитрехлетнюю женщину: психолога, жену, маму двоих детей (дочке год, сыну четыре с половиной).

Позавчера у Лены умерла мама. Вчера были похороны, а сегодня ее сбил с ног дурацкий звонок из института:

– Добрый день, Елена! К сожалению, у нас в этом году не набралась группа на отделение по специальности «Психология».

Еще в августе она сдала вступительные экзамены в институт и успокоилась, что с первого октября начнется учеба, а тут эта неожиданная новость. Значит, нужно снова срочно искать институт, сдавать экзамены, чтобы не потерять год. Для нее это важно. Это то, что было запланировано еще до смерти мамы: пойти учиться в государственный институт на второе высшее.

Женщина идет успокаивать свою годовалую дочь, а внутри звучит монолог:

– Мама умерла, с этим я уже ничего не поделаю. Но мое право и выбор идти в институт я тебе, мир, не отдам. Мой ход. Так... Дышу глубоко: вдох-выдох, вдох-выдох! Мне еще нужны силы и ясный ум, чтобы решить задачу с институтом. Горевать буду потом.

Лена открыла дверь в комнату и увидела на кровати плачущую девочку. Видимо, малышка проснулась и испугалась, не увидев рядом мамы.

Снова вдох-выдох, вдох-выдох. Напряженность в теле сменяется расслаблением, плечи опускаются, челюсть разжимается.

– Институт подождет немного. Сейчас важнее дочь, – снова вздохнув, подумала она, – всему свое время.

Лена взяла на руки дочь, вытерла слезы.

– Все будет хорошо, моя родная. Я тебя очень люблю. Мама рядом. Слышишь, твоя мама рядом, – шептала она, покачиваясь из стороны в сторону. – Все будет хорошо, мы справимся.

Через пару часов после этого Лена снова надела скафандр бесчувствия. Нужны были холодный ум и силы, чтобы сделать все возможное для поступления в институт.

Шагов было много:

- возврат денег и документов из прежнего института,
- поиск нового вуза и поездка туда на следующий день для сдачи вступительного экзамена,
- написание эссе и заполнение тестов в одном кабинете с четырехлетним сыном. (Лена купила ему лего перед походом в институт.)

Шаг за шагом к цели.

30 сентября 2015 года

– Ура! Я поступила! Я это сделала! Мы это сделали! Какое счастье, что я не одна, что мы все вместе! Спасибо, что вы рядом со мной, спасибо тем людям, кто помогал в этом пути.

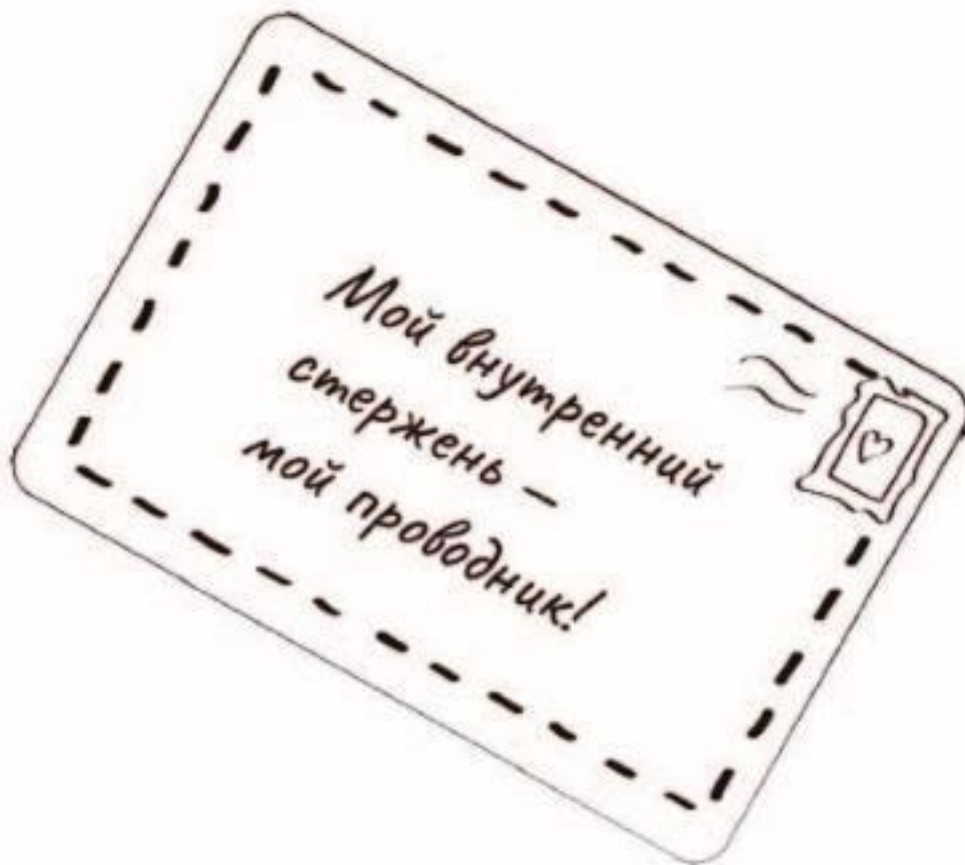
Лена радостно обнимала мужа, папу, детей.

А про себя с грустью подумала:

– Как же жаль, что мамы нет рядом, она бы точно сейчас за меня порадовалась!

Каждый раз поражаяешься, насколько жизнь многогранна, как в ней сплетаются смерть, боль, злость, радость, счастье и любовь.

Налог на право быть собой Ирина Волкова

Каких только налогов не бывает: Пётр Первый вводил налог на бороды, в Германии и Литве платят налог на дождь, а в Испании и Италии есть налог на солнце и тень.

Я же заплатила отчисление за право быть собой, причем уже три раза...

– Так ты «тарелочница»? Поела и ушла. Продолжения не будет? – презрительно спросил он.

– Называй меня как хочешь, хоть «вилочницей», хоть «ложечницей». Куда тебе деньги перевести за чашку кофе и салат? – нервно бросила я.

Как же это у других женщин выходит: и подарки, и цветы, и украшения с бриллиантами от мужчин получают, а меня даже за пучок зелени с тремя черри на первом свидании обозвали? Ладно, гештальт закрыт. Такая встреча даже вымытой головы не стоит! Значит, это не мой человек, раз не смог заплатить за обед – минимальный налог на общение с женщиной. Как говорится, что ни делается – к лучшему, иду дальше... Но внутри все же сидит червячок: что же со мной не так?

Мама повесилась в мои двенадцать лет; отец сильно пил, и мы частенько вместе с младшими сестрами ходили искать его по компаниям. На похороны меня не взяли, а ведь я была сильно привязана к матери, буквально держалась за ее юбку.

В детстве у меня выявили сильное косоглазие, и я ходила в очках с заклеенной линзой, чтобы заставить слабый глаз лучше работать. Поговорку «У кого четыре глаза, тот похож на водолаза» я слышала в свой адрес довольно часто. Каждый месяц я приходила к врачу, и мне

капали капли для проверки глазного дна и прогресса «ленивого глаза»; тогда все расплывалось в мутную картинку, мир слезился, растекался, и я могла идти по улице, только крепко вцепившись в мамину руку. А она, как опытный поводырь, предупреждала меня о ямках, кочках или бордюрах.

Когда ее не стало, то не стало и моего проводника; в моем внутреннем мире будто выключили свет, уши заткнули берушами, рот заклеили пластырем. Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу. Живу на автопилоте темной-темной ночью в темном-темном доме, в темной-темной комнате, и радоваться уже нечему: дальше всё только страшнее...

Отец ушел в мир иной в мои двадцать. Хорошо, что я была уже совершеннолетней и почти успела получить высшее образование. Все эти восемь лет после смерти мамы с нами жила бабушка, которая постоянно нас обвиняла то в смерти матери («Вот вы плохо себя вели, маме не помогали, поэтому она и умерла...»), то в том, что отец не женился второй раз, потому что мы с сестрами – «прицеп» («Кто ж с таким “довеском” возьмет его в мужа?!»).

Как говорится, чувство вины – это намордник, который надевают только на тех, кто не кусается.

Мне казалось, что я с этим намордником буквально срослась, и стоит дернуть меня за поводок – я тут же стану легкоуправляемой послушной собачкой.

У меня на руках остались две младшие несовершеннолетние сестры, так что переживать свой стресс от потери родителей было некогда: я все-таки старшая. Я – большая, а они – маленькие. Когда пришли из службы опеки и родственники собрались на семейный совет, то все пальцы тетюшек и дядюшек услужливо показали на меня: «Ну вот она пусть и берет на себя опеку, она же их старшая сестра!»

Ну конечно, как я могу по-другому?! Передо мной даже выбора не стояло, я же не могла отдать своих родных сестер в интернат или детдом, которым всегда пугала меня бабушка: «Не будешь слушаться – сдам тебя в детский дом!» Иначе я потом всю жизнь винила бы себя.

Три месяца хождения по медкомиссиям, официальное устройство на работу, и я на пятом курсе института стала законным опекуном своих сестер. Мама-папа-сестра в одном флаконе – такой внутренний триатлон, который закалил меня. Чувствовала огромный груз ответственности: чем накормить, как одеть, где взять денег на репетиторов, в какой вуз определить, жизнь по чекам и каждая копейка на счету. «Господи, дай мне сил!..» – не раз думала я тогда...

Но Бог не мудрый Гудвин, и он не дает выпить волшебное снадобье из шипучего кваса с валерьянкой, а предлагает ситуацию, которая эту силу в тебе взрастит.

Ситуация не заставила себя долго ждать: после смерти отца сильно заболела бабушка, перестала вставать и узнавать кого-либо. Как сейчас слышу ватные слова, сказанные дядей, застрявшие в ушах: «Это ваша семья виновата в том, что бабушка в таком состоянии, вот вы с сестрами и ухаживайте». И липкое чувство вины снова обволакивает тело, намордник надет – я не могу сказать ни слова против. Конечно, как я могу бросить бабушку? Я же хорошая девочка. Она же растила нас с сестрами после смерти матери, и правильно, если я буду за ней ухаживать.

Беру на себя новую ответственность, я справлюсь. Господи, дай мне сил и терпения...

О свиданиях и романтических встречах не было речи. Вышла замуж по расчету – за парня из многодетной семьи, который умел заботиться о младших и зарабатывать деньги, вел

свой бизнес. Разделила ответственность, нашла внешнюю опору, но всегда была добытчицей наравне с мужем, мы делили все траты пятьдесят на пятьдесят. Муж даже файл вел в Excel – «Black hole», куда записывал все наши расходы, а чеки складывал в большую коробку из-под обуви.

Когда ушла в первый декрет, он перестал давать мне деньги. Все мои уговоры натыкались на стену обвинений: «Ты же сама деньги не зарабатываешь, сидишь в декретном отпуске, а мои деньги при мне целее будут. Всё, что надо из продуктов, я тебе куплю – пиши список». В итоге на свои дни рождения я получала б/у компьютер или чайник, которые были куплены в дом на его деньги. Мне торжественно сообщалось, что дарят мне «шубу с барского плеча», так как покупать цветы – это бросать деньги на ветер, все равно они скоро окажутся в помойном ведре. Я бы, может, и хотела собрать вещи и уйти после такого жить к маме, но мамы не было, и идти было некуда... Так мы прожили пятнадцать лет, но, в конце концов, поняли, что, кроме ипотеки и двух прекрасных детей, нас уже ничего не связывает.

После развода муж уехал жить за границу, а мне очень помогла «генеральная репетиция» с младшими сестрами, которых я воспитывала как своих детей. Она дала сил не сойти с ума, не слечь на койку в какой-нибудь палате № 6, а воспитывать детей, строить свой бизнес (я открыла свою языковую студию «Счастливая Сова»), заниматься спортом, саморазвиваться и радоваться жизни. Искать теперь уже внутреннюю опору, внутренний стержень. И не забывать поглядывать на мужчин...

В Николая я влюбилась почти сразу, как только увидела его на волейболе: спортивный, подтянутый красавец, да еще учился со мной в одной школе. «Вот человек с моей полки», – подумала я, и «мое сердце *asta la vista*, мое сердце замерло». Понеслось: поездки в Москву, в Питер, в Нижний Новгород, прогулки, разговоры о том, как он любит детей и хотел бы, чтоб дочери от первого брака жили с ним. Вот я уже, довольная, показываю ему тест с двумя полосками и в ответ слышу: «Мне твой ребенок не нужен. Делай аборт!»

Меня точно окатывает ушат холодной воды. Я застываю, как букашка в янтаре, мне трудно дышать, тяжело что-то сказать...

Потом был звонок его мамы: «Ну какие дети в сорок два года? У тебя уже есть двое разнополых детей. Коля не сможет вас содержать, у него и так трое детей от первого брака. Потом у тебя же бизнес, своя языковая студия. Как ты будешь не спать ночами, кормить грудью, да еще и работать?! Это очень тяжело! Не ломайся, делай операцию. Я сама делала в юности несколько раз, а ты что, из другого теста?»

На аборт я пошла сама, в слезах и полной растерянности, хотя Николай обещал быть рядом, но его срочно вызвали на работу. В коридоре было две очереди: одна на постановку на учет, практически полностью состоящая из гостей из ближнего зарубежья, которые пестрой птичьей стайкой щебетали о своем, и вторая очередь из одной рыдающей русской девушки, которая ждала прерывания беременности.

Врач критически посмотрела на мои анализы, УЗИ и строго сказала: «Слишком низкое предлежание плаценты. Если делать операцию, то, боюсь, будет сильное кровотечение, и мы можем вас не спасти. Потом вам же сорок два года – не валяйте дурака, вставайте на учет и рожайте здорового ребенка! У вас фигура как раз то, что надо для родов – широкий внутренний таз». С этим благословением, совпадающим с моей женской природой и внутренним голосом, я слезла с кресла и пошла в веселую очередь вместе с таджичками вставать на учет в консультацию. Господи, дай мне сил...

После больницы решила побродить по городу, подумать, как сказать Николаю и его маме, что аборт я не сделала. Когда ходишь, то лучше думается, так как мысли синхронизируются с шагами – тогда и рождается какой-нибудь определенный план. По дороге купила арбуз, чтобы отметить первый день рождения пузожителя, которого чуть не потеряла несколько часов назад.

После разговора с Николаем в отношениях наступили игнор и отчуждение, обида, что я сделала все по-своему. Я чувствовала безмерную вину, но внутренний голос говорил, что я все делаю правильно. Это подтверждали и обстоятельства жизни: приданое для малышки возникало из ниоткуда. Кроватку и коляску отдала младшая сестра, друзья привезли стульчик и ванночку, одежды надарили столько, что я сама делилась ею с другими мамочками. Оставалось купить только памперсы и соску.

Наступила размеренная осень. Я все пыталась куда-то бежать: то старших детей надо собрать в школу, то в языковой студии решить вопросы по бизнесу, то в магазин за продуктами сходить. Но что-то мне мешало, и я вспоминала: «Стоп! Я же в конце сентября должна родить». И я переходила на медленный шаг, дышала глубже, молчала и прислушивалась к толчкам внутри меня.

В мой день рождения сидели с друзьями за столом, много смеялись, веселились, пили безалкогольное пиво с байкальским омулем, пересматривали фотографии с летних отпусков. Вдруг у меня начались схватки – пора ехать в роддом, пора за главным подарком к своему сорок третьему дню рождения! Как говорится, если Бог дарит тебе дочь, то он делает тебе комплимент, подтверждает, что ты достойна повторения.

Приехала в роддом с тяжелыми схватками, но в легком настроении. Охранник сказал, что, чтобы попасть в приемный покой, надо обойти здание вокруг, и попросил меня передать ключи своему сменщику. Я покатила свою сумку на колесах, позвякивая ключами и параллельно считая участвовавшие схватки. Мой подарок уже был на подходе, служба доставки работала исправно: ребенок продвигался по родовым путям. Праздник продолжался!

Помню, перед тем как родить старшего сына, в предродовой палате, где роженицы стояли от боли, я начала надувать шарик, украшать скучный больничный интерьер. На вопрос врача: «Что вы делаете?» – сказала, что готовлюсь к дню рождения сына. Мне потом даже в родовую разрешили взять оранжевый шарик, и родила я на рассвете, глядя на огненный шар восходящего солнца, бликами отражающегося в надувном шарике, заготовленном для первенца.

...В приемном покое меня встретила заспанная медсестра, сначала не хотела вызывать врача, ворчала, думала, что у меня ложные схватки. «Уж больно ты веселая! Если б такие частые схватки были, то ты бы не улыбалась, а кричала от боли». А чего мне кричать? Я с одного дня рождения на другой приехала – вот и радуюсь.

Дочку я родила для себя. Во время родов врач Сергей Александрович читал мне стихи своего тезки, Есенина.

На словах «Письма матери»: «Ты одна мне помощь и отрада / Ты одна мне несказанный свет» – я родила Верочку. И вновь прочувствовала это ни с чем не сравнимое чудо – стать матерью, да еще в сорок три года получить свой запоздалый подарок. «Моя радость, мое счастье, мой ангел! Как я рада стать твоей мамой! Добро пожаловать в наш мир!» – шептала я крохотному теплому кулечку, присосавшемуся к моей груди.

Николай приехал за нами в роддом, дал дочке свою фамилию, согласился переехать от родителей и начать жить вместе. Но только в Обнинске, о Москве он и слышать ничего не хотел. Мы с детьми переехали в Обнинск, и началась «счастливая семейная жизнь».

...Николай пришел с работы поздно, молча ел остывающий ужин. Ребенок сладко посапывал в люльке, я ногой покачивала колыбельку.

- Как у тебя дела? – прервала я тягостное молчание.
- Нормально...
- Нормально хорошо или нормально плохо?
- Нормально...

Пока я наливала чай, горькая слеза упала в чашку. Николай взял чай и ушел в зал, на диван к телевизору – зомбящику, к которому я его очень ревновала. Ревновала я Николая и к бывшей жене, которая в последнее время очень активизировалась, и к детям от первого брака. В голове стучала фраза из песни Земфиры: «Дети, но не мои, и старые зазнобы...»

Мной овладело ощущение внутренней пустоты и потерянности. Почему? Я ведь хотела совсем другого: поддерживающих отношений, понимающего взгляда, теплых семейных вечеров, душевных разговоров, чая с любовью, а не со слезами.

Ночью меня накрыло: я начала рыдать в подушку, пока он спал как бревно, отвернувшись к стенке и плотно закутавшись в свое одеяло. Чтобы не разбудить детей, я быстро надела лосины, кроссовки, ветровку и побежала на улицу... На дворе стояла ночь, под ногами скользил гололед, ветер и пустота звенели в голове, пульс отдавался в ушах: «В этой жизни можно рассчитывать только на себя. Господи, дай мне сил, терпения и принятия...» Песня в наушниках вторила моим чувствам: «Ой-йю, ой-йю, ой-йю, никто не услышит!» Я побежала в парк – мое место силы. Сделала несколько кругов возле озера, природа обняла меня, деревья прошептали утешения, и я вернулась домой, успокоившись.

Жизнь продолжалась как в тумане, как будто я живу не свою счастливую жизнь многолетней мамы, а влачу существование несчастной измотанной женщины, которой не хочется утром открывать глаза и вставать с постели. Меня выматывали ночные кормления и укладывания малышки, я спала как конь в стойле, качая дочь. Утром старших детей собирала в школу, а сама заказывала продукты, готовила, убирала, сцеживала молоко и ехала на электричке на работу в Москву. Колеса стучали в ритме песни:

«Я в поездах, отставших от расписанья,
Я в городах, которых нету на карте.
Я умер, так и не пришедши в сознание,
Хотел быть первым, но споткнулся на старте...»¹

Ребенок заболел внезапно: ночью температура сорок, лающий кашель, тяжелое дыхание, хрипы, а у нас на участке даже врача не было, только медсестра. Я вызвала платного доктора из хорошей клиники. День был выходной, Николай оставался дома, а мне предстоял конференц-колл с преподавателями, пришлось отлучиться на пару часов в офис. Папа остался с ребенком ждать врача, а я убежала на созвон. Только настроила конференцию, как раздался звонок с незнакомого номера: «Здравствуйте! Я осмотрела вашу дочь, у нее бронхит, список лекарств я оставила. Ваш папа сказал, что у него нет денег. Переведите мне, пожалуйста, за осмотр». Дрожащими руками перевела нужную сумму, сумбурно довела встречу с преподавателями до логического конца и помчалась домой. Я чувствовала себя усталой и опустошенной, но надо было бежать к заболевшей Верочке.

– Ты где так долго была? Мне уйти надо. – Николай уже обувался в прихожей.

– Куда ты? В аптеку? – Сухой хлопок двери не оставил надежды.

Я взяла дочь на руки, сделала массаж, чтоб она могла прокашляться, потихоньку она заснула... и я вместе с ней. Проснулась от ее резкого кашля. Сколько мы спали? Где Николай? Позвонила ему и услышала в трубке смех, веселье, скабрзные шутки. «Ты где находишься? Я думала, что ты в аптеку за лекарствами пошел...» – «Нет, я с друзьями в боулинге, мы пиво пьем». – «Нам надо поговорить...»

Когда он пришел домой, у меня на лбу горела табличка: «Осторожно, злая собака!» Пружина вины и обиды распрямилась и ударила больно, в моем сердце не осталось ни капли любви и великодушия, чтобы простить, ни капли мудрости и терпения, чтобы поговорить спокойно.

¹ Песня «Кажется» группы Uma2rman, автор слов и музыки Владимир Крестовский.

Все эти капли я выплакала в подушку. Я кричала, лила на голову Николая расплавленный свинец и горячую смолу одновременно. Высказала все, что думала: не любишь ни меня, ни ребенка, «у тебя гранитный камушек в груди», маменькин сынок, инфантильная позиция, альфонс – живешь в моей квартире за мой счет...

Он собрал вещи, сказал, что семейная жизнь – это не для него, и ушел жить к маме. Я осталась с девятимесячной дочерью, и хотя физически мне стало еще тяжелее, но морально я воспрянула духом, перестала плакать по ночам и начала разбираться в себе, пошла учиться на психолога и многое для себя наконец-то осознала.

Сложилось ощущение, что великий джазмен в белом костюме играет мелодию моей жизни. Он виртуозно импровизирует, гармонично подстраиваясь под фантазии других музыкантов и вплетая мою жизнь в судьбы других людей.

Сейчас я понимаю, что все эти ситуации были мне даны не просто так, а чтобы вынести свои уроки, стать более осознанной, задать себе вопросы: «Зачем все это? А кто я на самом деле? Куда я иду?» – и ответить на них. Стать действительно сильнее, терпимее, избавиться от унижительного чувства вины, опустошающих обид и научиться принимать себя, свои чувства, окружающих, ситуацию. Стать счастливой женщиной, подарившей жизнь троим чудесным детям, и заплатить свой налог на право быть собой не как тяжкое бремя, а как преимущество, с достоинством, любовью и благодарностью.

Господи, дай мне силы быть слабой!

Глава 2 Искусство быть собой

Хочу морщинки Инга Ефименко

Многие из нас если не стремятся, то хотя бы мечтают о каком-то идеале: худенькое или спортивное тело, светлая или, наоборот, загорелая кожа, кудрявые или идеально прямые волосы... Но никто никогда не мечтает о морщинках. Они показывают усталость кожи, ее увядание и несвежесть. Складочки прячут, разглаживают, утягивают...

Если вдуматься, человеческая кожа чудесна. Она служит барьером, защищая организм от агрессивной окружающей среды: принимает на себя удары солнечных лучей, ветра, холодного, знойного или сырого воздуха. Она скрывает и лечит порезы, синяки и ссадины, обновляется и снова защищает. Кожа – самый большой орган человеческого тела, она во многом определяет внешность. При первом взгляде на собеседника именно по состоянию кожи мы подсознательно отмечаем его здоровье, красоту и даже безопасность. Белая кожа – признак благородства, аристократизма. Загорелая – много времени проводит на свежем воздухе или побывал в отпуске. Сухая – из-за усталости. Морщинистая выдает возраст...

В двадцать пять лет я впервые пришла к косметологу. Возможно, у меня случился какой-то психологический кризис с умным названием. И вот почему. Мама родила меня в двадцать пять, и в моей бездетной голове сидело предательское «мне уже, а я еще не». И я пошла к косметологу в надежде получить волшебную таблетку молодости. Ну, или хотя бы укол ботокса. Косметолог, вопреки законам частных клиник, принялась меня отговаривать:

– Ну смотри: уколою я тебя – будет эффект на месяц. Ты же английский преподаешь, с детьми общаешься. Ты вообще себя видела? У тебя больше общения происходит на уровне мимики, чем словами!

Так я и ушла от косметолога – морщинистая и мимическая, хоть и вкусно пахнущая. Но с твердым намерением когда-нибудь вернуться к теме стирания дурацких линий и возвращения себя любимой в отутюженное состояние девочки-подростка.

Что же должно было произойти в жизни особы женского пола, чтобы она радовалась таким естественным и таким нежеланным отметинам времени?

– 38-я неделя – скоро точно рожу, – думала я. Довольная такая, в планах – бассейн, посиделки в кафе, ходится легко... Надо умыться.

И вдруг в ванной я вижу в зеркале кривую ухмылку. Протираю глаза, смотрю снова и чувствую, как сердце бешено колотится где-то в горле, выколачивая одно слово: инсульт, инсульт, инсульт.

Дальше смутно припоминаю, как побежала в частную клинику через дорогу, требовала записать к любому доступному терапевту, вызвать скорую и, ради всего святого, не просить меня успокоиться. «Успокойся» – сколько бесполезного в этом слове. Кому-нибудь когда-нибудь становилось от него легче?

Через десять минут я пробилась в кабинет, куда пригласили невролога. Врач заверил мою внутреннюю паникершу, что это не инсульт, а паралич Белла. Диагноз неприятный, достаточно редкий, восстановление займет до полугода, но это намного лучше, чем инсульт. Просто нервы... отмирают, а потом нарастают заново. Почему так произошло – неясно, могла перенервничать или защемить шею, мог чудить еще не рожденный сын. Главное, что донесли до взбудораженного гормонами мозга: на ребенка паралич не влияет, а нервы с большой вероятностью восстановятся.

Начало инсульта – это очень страшно: улыбка уже «поползла», а сознание ясное, и это самое сознание выхватывает из памяти строчки какого-то домашнего доктора о том, что инсульт нельзя остановить, если он начался. Можно лечь и вызвать скорую – на этом все. В землю уже положили, а сверху не присыпали – именно такое представление у меня об этом коварном, таком нечестном состоянии. Я помню дедушку Толю после инсульта: сидеть он мог, а вот ходить уже нет. Звал бабушку из соседней комнаты, капризничал, как ребенок, мечтал выйти на прогулку. Второго инсульта дедушка не пережил.

К счастью, судьба подготовила для меня другую программу: после обследования я поехала в перинатальный центр лечь под капельницы с преднизолоном под тотальным контролем медперсонала. За этим страшным названием лекарства скрывается гормон, помогающий быстрее восстановиться после паралича. Помню, что в тот период в мозгу уживались два образа:

- готовящийся к рождению ребенок, которому решительно все равно, работают у меня нервы на лице или нет;
- готовящаяся к родам тридцатипятилетняя девочка, которая спрашивает себя, что она сделала не так.

Мои отношения с носогубными складками всегда были сложными. С ними я напоминала себе одновременно любимую бабушку Изу и французского бульдога. Уже в одиннадцать-двенадцать лет руки натягивали кожу к ушам в попытке сделать лицо гладким.

И вот уже третий день я наблюдаю в зеркало, как правая носогубка растворяется в коже. Вместо стирания нескольких лет жизни это как будто стирает саму жизнь. Щека по капле лишается памяти, становится гладкой и... пустой. В ней нет следов радости или злости, нет возраста, вообще ничего нет.

А еще паралич привел к тому, что правый глаз до конца не закрывался. Днем его нужно было постоянно увлажнять каплями, а на ночь заклеивать пластырем. Видя в зеркале щель белка вместо огромного, что называется, в пол-лица, глаза с шоколадной радужкой, я вспомнила, как отдавала котенка на операцию. Бусе, моей любимой питомице, на тот момент было около полугода. Ветеринар сделал укол, и моя пушистая девочка стремительно обмякла у меня на руках.

– Можете положить ее на стол. Чего вы ждете?

– Чтобы она уснула, закрыла глаза.

– Это искусственный сон, она не закроет.

И правда, не закрыла. Помню холод от мысли, что вся разница усыпления котенка на операцию и навсегда – в дозировке препарата. А глаза так и будут безразлично отражать пустоту.

И вот сейчас в зеркале я вижу такой же, не до конца живой, глаз.

Пару дней назад, когда в этот мир решил прийти мой мальчик, я забыла, что не умею улыбаться. Это как фантомные боли, только с улыбкой. На руках сопел идеальный новорожденный человек, такой странный и теплый, а из меня лучились доброта, забота и улыбка, внутренняя, большая. Что-то сбивалось только, когда я ловила слегка удивленные взгляды персонала или людей в коридорах. Я вспоминала о неполноценности и шла к зеркалу, чтобы убедиться в абсолютной замшевой гладкости правой половины лица.

А что заставляет людей колоть ботокс? Почему морщины – это плохо? Потому что в свои двадцать-тридцать-сорок немодно выглядеть на свой возраст? Потому что они – отпечаток радости и боли, которые мы испытывали и теперь прячем? Они плохо замазываются фильтрами телефонов? Зачем вообще их замазывать?

Все эти вопросы проносились в голове, пока я изо всех сил напрягала правую щеку, глядя в зеркало. «Хочу морщинки, хочу морщинки, ХОЧУ МОРЩИНКИ!!!» – кричало подсознание. И вдруг что-то под правым глазом шевельнулось. Или показалось? Нет, еще раз, еле заметно, похоже на нервный тик. Стало жарко, лампа как будто дала больше света, зрачки расширились, а лежащий рядом малыш уставился на мать, которая вдруг криво засмеялась половинкой рта.

Малыш, кстати, улыбался с первых дней жизни. Такая мягкая, рефлекторная улыбка, которая означает: «Мне тепло, комфортно, мама рядом». Ребенок, который только пришел в этот мир, не видит себя в зеркале, не знает о существовании ботокса, его морщинки обязательно разглядятся. Они трогательные, милые, хотя назвать их красивыми у меня язык не поворачивается. Вообще, новорожденный человек выглядит довольно странно: кожа как из бани, глаза косят в разные стороны, нос приплюснутый. И носогубка такая конкретная – бабушку Изу хорошо видно.

При выписке я почти не фотографировалась: ходить больно, лицо частично обездвижено. Фотографы после отказа от фотосессии разочарованно удалились. И только на руках сопел любимый сверточек и улыбался во сне за нас обоих. Теперь он увидит другой мир за пределами палаты роддома, где будет шаг за шагом собирать свою жизнь, а его мама – себя.

Я очень люблю фэнтезийные произведения и компьютерные игры по ним: эльфов, драконов, героев. В них иногда есть миссии по восстановлению памяти главного героя или восстановлению карты мира по кусочкам, пока история-пазл не сложится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.